

Балаян А. А., Томин Л. В.

**Современные дискуссии о сетевых организациях
и сетевом взаимодействии.
Методология анализа и проблемы
практического применения**

В последние десятилетия мы можем наблюдать процесс уменьшения роли национальных государств, они больше не являются единственными значимыми акторами на международной арене. Такие процессы проявились в социальной, идеологической, культурной, политической и экономической сферах и привели к серьезным трансформациям внутривнутриполитических процессов [10]. Появились различные новые акторы: сетевые организации, социальные и протестные движения и иные субъекты, действующие по схожему принципу. Подобные изменения привлекли внимание ученых и специалистов в области гуманитарных наук по всему миру. В отечественной политологии в последние годы наблюдается возрастающий интерес к сетевому подходу. Наиболее часто встречаются следующие направления исследований: репрезентация деятельности и взаимодействия с гражданами посредством Интернета, государственных органов, политических партий и общественных организаций и неформальное взаимодействие государственных структур и бизнеса и организаций гражданского общества, различных сообществ в экономике или искусств.

В отечественной науке сложно выделить единый или ряд схожих подходов к данной теме. У авторов даются различные определения сети, и ряд сопряженных с ними понятий образуют отдельные, зачастую слабо пересекающиеся между собой проблемные поля. Поэтому главная задача данной статьи состоит в рассмотрении и систематизации основных сетевых подходов, а также выделении наиболее перспективных в рамках политологии, по мнению авторов, направлений для изучения сетевой проблематики. В данной статье будут проанализированы теории зарубежных авторов; рассмотрение отечественных подходов и концепций авторы планируют осуществить в дальнейшем.

Одним из первых исследователей, которые начали рассматривать структуры нового типа, был Элвин Тоффлер. Он полагал, что так называемая «третья волна» неизбежно бросит вызов предыдущим властным отношениям и элитам. В обществе «третьей волны» возникнут новые правила поведения, будет нанесен удар по бюрократии и будет уменьшена роль национальных государств [6, с. 33]. Этот период характеризуется

возросшей ролью информационных потоков, их усложнением и их дифференциацией.

«За три десятилетия своего существования информационная система фактически превратилась в фактор эволюции. В конце ушедшего столетия понятие „сеть“ стало универсальной метафорой. Заговорили о сетевой экономике, сетевой логике, нейронной сети, сетевом интеллекте...» [7, с. 6]. Э. Тоффлер рассматривает сетевые структуры больше на макроуровне, как актор нового миропорядка, который приходит на смену биполярной системе. Проблема состоит в том, что значительное количество сетевых структур формируются и функционируют на микроуровне в различных регионах мира.

Рассматривая современные подходы к сетевым структурам, нельзя не упомянуть социолога Мануэля Кастельса. Ему принадлежит идея о том, что сети со временем станут важнейшей организационной силой: «...Исследование зарождающихся социальных структур позволяет сделать следующее заключение: в условиях информационной эры историческая тенденция приводит к тому, что доминирующие функции и процессы все больше оказываются организованными по принципу сетей. Именно сети составляют новую социальную морфологию наших обществ, а распространение „сетевой“ логики в значительной мере сказывается на ходе и результатах процессов, связанных с производством, повседневной жизнью, культурой и властью» [3, с. 494].

По его мнению, примерно, в 1970-х гг. в США начала складываться новая информационно-технологическая парадигма. М. Кастельс связывает это явление с новыми процессами в культуре и ментальности. «Технологический расцвет, который наступил в начале 1970-х, мог быть в какой-то мере соотнесен с культурой свободы, индивидуальной инновации и предпринимательства, выросших из культуры американских кампусов 1960-х годов» [4, с. 16].

Появились новые информационные структуры, прежде всего Интернет. Эта система не предполагала некоего единого центра, имеющего доступ ко всему и руководящего всем. Подразумевалось создание многих центров, способных связываться друг с другом; эти информационные очаги имели больше возможностей связи с другими, что усложняло блокировку коммуникации между ними. Это свойство Интернета очень важно в контексте исследования информационных войн. Можно сказать, что Интернет представляет собой арену информационного сражения между различными центрами, которые могут занимать ту или иную позицию по определенному вопросу.

Рассмотренные теории, по нашему мнению, объединяет оптимистический взгляд, который в сочетании с технологическим детерминизмом ведет к переоценке роли новых технологий (Интернета). События последних лет показали, что демократические государства в союзе с частными IT-компаниями активно ведут работу по слежке за гражданами в Интернете. Кроме того, появились примеры использования Интернета автократиями и гибридными режимами для борьбы с оппозицией (Иран, КНР и др.). Также постепенно рушится миф о распространении либеральной, толерантной культуры и демократии через Интернет.

Следующая группа теорий смогла избежать этих ошибок и, кроме того, внести в исследование сетей важные эпистемологические предложения.

Оригинальным вкладом в исследование сетей являются работы Бруно Латура, который, в рамках акторно-сетевой теории (АСТ), под словом «сеть» понимает «связанный ряд действий, каждый участник которых рассматривается как полноценный посредник. Хороший, с точки зрения АСТ, отчет — это нарратив, или описание, или высказывание, в котором все акторы не сидят сложа руки, а что-то делают. Каждая точка в таком тексте может стать точкой бифуркации, событием или источником нового перевода вместо того, чтобы переносить эффекты, не трансформируя их» [5, с. 181].

В контексте более детального понимания сетей важной представляется их типологизация. Б. Латур выделяет следующие типы сети:

1) технические сети, такие как дороги, городское хозяйство и Интернет. Сети этого типа вполне характерны для индустриальных политических систем и не являются предметом нашего исследования;

2) сети, используемые в гуманитарных науках, таких как социология, для «введения различия между организациями, рынками и государствами. В этом случае сеть представляет собой неформальный способ связи человеческих агентов» [Там же, с. 182].

Б. Латур, поддерживая идею «плоской онтологии», делает основной акцент на самой связи между различными акторами (без разделения на социальные, природные, технологические). В его концепции понятие «сеть» включает в себя по-разному устроенные типы акторов, как иерархические структуры, так и горизонтально-сетевые.

Не менее интересен подход к исследованию сетей аналитиков корпорации RAND Дж. Аркиллы и Д. Ронфельдта, которые в целом ряде работ отмечали, что информационная революция трансформировала природу конфликтов. В результате этой революции на передний план выходят сетевые формы организации, имеющие целый ряд преимуществ перед иерархическими формами.

Новая форма конфликта, так называемая «сетевая война», — это специфическая организация акторов, в результате которой они приобретают свойство быстро объединяться в сети и решать определенные задачи. Преимущество и инициатива в таких условиях переходят к негосударственным акторам, они способны создать сеть из разных ячеек (где каждый узел связан с каждым узлом), которая оказывается эффективнее, чем традиционные иерархические структуры. Информационная революция, изменив природу конфликтов, делает более эффективными организации с более быстрой и гибкой системой внутренних и внешних коммуникаций [11, р. 4].

Сетевые структуры подобны двуликтому Янусу, они могут быть использованы как мирными организациями для более эффективного достижения поставленных целей, так и военизированными формированиями в боевых действиях либо террористическими или криминальными структурами [19, р. 53–65].

Процесс принятия решений в сетевых структурах децентрализован и довольно часто происходит на локальном уровне. К решению проблемы могут подключаться и другие акторы, поэтому решение может принимать «многоголовый» вид (аналитики RAND используют термин «hydra-headed»).

Дж. Аркилла и Д. Ронфельдт выделяют три способа организации сетевой структуры:

1) линейная сеть (chain network) — по структуре цепи эта сеть представляет собой единый поток ячеек, следующих друг за другом, где люди, товары или информация проходят путь от начала до конца сети через все промежуточные пункты;

2) звезда (star or hub network) — сеть, похожая на звезду или колесо, организуется подобно сети франчайзинга или картелю: набор акторов сети привязан к центральной (но не по иерархии) ячейке-актору и должен проходить сквозь нее для решения текущих задач и координации акторов друг с другом;

3) многоканальная сеть (all-chain network), в которой каждый актор, представленный в виде ячейки, напрямую связан со всеми другими [12, р. 87].

В последние годы особое распространение получили смешанные, или гибридные, типы сетей. В таких системах отдельные элементы располагаются по иерархической схеме. Например, в некоторых военизированных и террористических организациях есть иерархическое командование, которому подчиняются боевые ячейки, которые сами между собой

не связаны и не имеют единого центра координации, выполняя свои отдельные задачи. При этом не обязательно, чтобы все акторы сети находились в постоянной коммуникации между собой. В целях конспирации данная коммуникация может происходить с перерывами.

Дж. Аркилла и Д. Ронфельдт рассматривают и типологизируют сети через призму неконвенциональной активности как угрозы государству. За рамками анализа остается конвенциональный тип протеста, который очень распространен в современном мире и носит преимущественно сетевой характер.

В нашем обзоре теорий необходимо упомянуть концепцию «сетей доверия» Чарльза Тилли. «Сети доверия состоят из разветвленных межличностных отношений, в основном из крепких связей, в рамках которых люди обладают набором ценных ресурсов, которые могут быть потеряны в результате преступлений или ошибок других» [20, р. 12]. С его точки зрения, «сети доверия» — это система неформальных связей, которые играют важную роль в создании политических организаций и социальных движений и процессах демократизации.

С нашей точки зрения, наиболее продуктивным представляется подход Ж. Делеза и Ф. Гваттари. Их концепции повлияли на вышеупомянутую акторно-сетевую теорию Б. Латура. Прежде всего их объединяют верная, на наш взгляд, «плоская онтология» и теория «сборок», которые позволяют преодолеть оппозицию «субъект-объект» и разделить на социальное, природное и технологическое.

Концепция Ж. Делеза и Ф. Гваттари изложена ими как в совместных работах [1, с. 118–119; 2, с. 446–453], так и по отдельности [14, р. 179–184; 15, р. 278–291] через понятие сборки (в «Анти-Эдипе» — машины), понимаемой как совокупность разных элементов: природных, социальных и технологических, которые, соединяясь, приобретают новые эмерджентные свойства. «Больше нет ни природы, ни человека есть лишь процесс, который производит одно в другом и состыковывает машины. Повсюду производящие и желающие машины, шизофренические машины, целая порождающая жизнь; я и не-я, внешнее и внутреннее больше ничего не значат» [2, с. 14].

В рамках такой «плоской онтологии» все элементы сборки равноценны. Каждая из сборок имеет два полюса: молярный (временно упорядоченные иерархические структуры) и молекулярный (основанный на детерриторизации, неиерархический, балансирующий на грани хаоса). В этой модели молярное и молекулярное находятся в противоречивых отношениях, включающих в себя как борьбу, так и взаимное дополнение. Их нельзя

просто противопоставить одно другому, как делают некоторые авторы, политически определяя концепцию Ж. Делеза и Ф. Гваттари как разновидность анархизма. И модель, предложенная Ж. Делезом и Ф. Гваттари, активно применяется для анализа социально-экономических и политических процессов как на макро-, так и на микроуровне.

С точки зрения политологии интересно посмотреть, как они анализируют подъем фашизма и нацизма в Европе в 1920–1930-е гг. Их объяснение, в отличие от теорий тоталитаризма, делающих акцент на подавлении государством-партией с помощью идеологии и репрессий плюралистического гражданского общества, позволяет зафиксировать и микрополитическую основу фашизма и нацизма. По их мнению, «фашизм неотделим от молекулярных очагов, которые, взаимодействуя, плодятся и перескакивают от одной точки к другой, прежде чем начнут резонировать все вместе в национал-социалистическом Государстве. Сельский фашизм и фашизм города или квартала, фашизм молодежи и фашизм ветеранов войны, фашизм левых и фашизм правых, фашизм супружеской пары, семьи, школы или офиса. <...> Фашизм есть тогда, когда машина войны устанавливается в каждой дыре, в каждой нише. Даже когда установится национал-социалистическое Государство, оно будет нуждаться в устойчивости таких микрофашизмов, сообщающих ему ни с чем не сравнимую способность воздействовать на „массы“» [1, с. 351–352].

Помимо исторических примеров методология Ж. Делеза и Ф. Гваттари активно используется для анализа трансформации современных политических партий и социальных движений. Относительно партий эта дискуссия началась после появления в Бразилии в начале 1980-х гг. Партии трудящихся. Согласно идеям инициаторов ее создания, новая партия должна была отличаться от существующих в стране традиционных левых организаций: не традиционная для коммунистических (марксистско-ленинских) партий модель «пролетарская партия — авангард», а структура, демократичная изнутри, которая была бы открыта для взаимодействия с различными социальными движениями, профсоюзами и прогрессивными католическими активистами [16, р. 454]. Новая волна обсуждения этой модели последовала за популяризацией этой модели «открытой партии» в Европе (СИРИЗА в Греции, «Подemos» в Испании).

К идеям Ж. Делеза и Ф. Гваттари примыкает, являясь одной из их интерпретаций, концепция «множества» А. Негри и М. Хардта. Совмещая их с переосмысленными элементами теории операистского марксизма, авторы этой концепции пытаются осмыслить политическую борьбу и организационные принципы антисистемных движений после исчезновения

биполярной системы времен холодной войны. Их концепция Империи — социально-экономической и политической модели мироустройства анализирует формы субъективности, характерные для социодинамики постфордизма, и те модели борьбы, которые выбирают современные протестные движения. В первых совместных работах [8, с. 53–56; 9, с. 91–94] А. Негри и М. Хардт отвергают традиционные партии и профсоюзы как эффективные структуры для мобилизации и борьбы нового рабочего класса (когнитариата, прекариата). Новые формы субъективности, находящиеся в поисках модели взаимодействия и стратегии, они называют «множеством», выводя это понятие из философии Б. Спинозы [17]. «Множество» как новая форма субъективности, по мнению А. Негри и М. Хардта, это и новая модель интернационализма, поскольку борьба за альтернативную неолиберализму модель глобализации возможна только на наднациональном уровне.

В своих последних работах [18, р. 43–45] А. Негри и М. Хардт анализируют противоречивый опыт движений Occupy Wall Street (США), Indignados (Испания) и борьбы социальных движений против мер жесткой экономии (austerity policy) в Греции. В качестве корректировки к своим прежним выводам они ставят под сомнение однозначную эффективность сетевой, горизонтальной модели построения политических организаций и социальных движений сопротивления. Они проблематизируют и тактику, характерную для левых социальных и протестных движений, начиная с альтерглобалистов, — давление извне силами социальных движений на международные организации (ВТО, МВФ) и национальные политические системы. Ими не только по-новому осмысливается специфика связи локальных и глобальных проблем и методов борьбы, но и политическая стратегия теперь нацелена не на создание автономных зон, а на трансформацию правил и механизмов существующих политических систем.

Из всего множества различных проблемных полей и концепций нам кажутся наиболее продуктивными направления, делающие акцент на сети как общей модели или элементе новых типов политических организаций. Поэтому среди тем для будущих исследований мы можем выделить следующие:

- 1) трансформация социальных и политических структур (дополнение иерархических структур сетевыми и гибридными, в основном в сфере государственного управления);

- 2) появление политических партий нового типа, пытающихся дополнить традиционные иерархические структуры элементами горизонтального сетевого типа;

3) сетевые структуры гражданского общества (социальные и протестные движения: Occupy Wall Street, Indignados и протесты против неолиберальной политики в ЕС);

4) сетевые структуры как инструмент социальной и политической мобилизации, проблема выработки эффективного процесса принятия решений;

5) противоречивая роль Интернета и социальных медиа в процессах демократизации авторитарных и гибридных политических режимов.

Сегодня, когда государственные структуры повсеместно утрачивают монопольный контроль во внешней и внутренней политике, — сетевые, горизонтальные организации развиваются во многих регионах мира, поэтому политической науке необходимо, не отбрасывая теорию и методологию, созданную для изучения государств, расширить спектр изучаемых акторов и разработать отвечающие современным реалиям модели анализа новых типов конфликтов.

Литература

1. Делез Ж., Гваттари Ф. Тысяча плато. Капитализм и шизофрения / пер. с фр. и послесл. Я. И. Свирского, науч. ред. В. Ю. Кузнецов. — Екатеринбург : У-Фактория, 2010.
2. Делез Ж., Гваттари Ф. Анти-Эдип. Капитализм и шизофрения / пер. с фр. и послесл. Д. Кралечкина, науч. ред. В. Кузнецов. — Екатеринбург : У-Фактория, 2007.
3. Кастельс М. Становление общества сетевых структур. Новая постиндустриальная волна на Западе : антология / под ред. В. Л. Иноземцева. — М. : Academia, 1999.
4. Кастельс М. Информационная эпоха: экономика, общество и культура. — М. : ВШЭ, 2000.
5. Латур Б. Пересборка социального: введение в акторно-сетевую теорию / пер. с англ. И. Полонской ; под ред. С. Гавриленко. — М. : ВШЭ, 2014.
6. Тоффлер Э. Третья волна. — М. : АСТ, 1999.
7. Тоффлер Э. Метаморфозы власти. — М. : АСТ, 2003.
8. Хардт М., Негри А. Империя / пер. с англ. под ред. Г. В. Каменской, М. С. Фетисова. — М. : Праксис, 2004.
9. Хардт М., Негри А. Множество: война и демократия в эпоху империи. — М. : Культурная революция, 2006.
10. Шамахов В. А., Балашов А. И. Новая геополитическая реальность и ее влияние на стратегию экономического и социального развития России // Управленческое консультирование. — 2016. — № 1(85). — С. 22–30.
11. Arquilla J., Ronfeldt D. Networks and Netwars: The Future of Terror, Crime, and Militancy. — Santa Monica, Calif. : RAND, 2003.

12. *Arquilla, J., Ronfeldt D.* The Advent of Netwar. — Santa Monica, Calif. : RAND, 1996.
13. *Guattari F., Negri A.* Communists Like Us: New Spaces of Liberty, New Lines of Alliance / trans. by M. Ryan. — Semiotext(e) Foreign Agents Ser. — New York : Semiotext(e), 1990.
14. *Guattari F., Rolnik S.* Molecular Revolution in Brazil / trans. by K. Clapshow, B. Holmes. — Los Angeles : Semiotext(e), 2008.
15. *Guattari F.* Soft Subversions / ed. S. Lotringer ; trans. by D. L. Sweet, C. Wiener. — Semiotext(e) Foreign Agents Ser. — New York : Semiotext(e).
16. *Lowy M.* The Brazilian PT // Latin America Perspectives. — 1987.
17. *Negri A.* The Savage Anomaly: The Power of Spinoza's Metaphysics and Politics / trans. by M. Hardt. — Minneapolis : University of Minnesota Press, 1991.
18. *Negri A., Hardt M.* Declaration. — Argo-Navis, 2012.
19. *Sergi A., Lavorgna A.* 'Ndrangheta. The Glocal Dimensions of the Most Powerful Italian Mafia. — Basingstoke, GB : Palgrave Macmillan, 2016.
20. *Tilly Ch.* Trust and Rule. — Cambridge University Press, 2005.